

БОЯТИТЬСЯ

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

Ч. 7.

Львѳвъ, 15. Мая

1867.

ПЕРЕЯСЛАВСКА НОЧЬ.

Трагедія Галки.

(Дальше).

Ч. Не дуже-то гвалтуйте, що бь не вчули.
Ты, Герцяку вернешь свою любиму;
А ты, розява, свою матерь. Всѣмь
Розвага буде вранцѣ.

II. Кто ты?

Се дивный человекъ. Скажи, будь ласкавъ,
Нашъ вызволителю — кто ты такий?

Ч. Лисенко! . . .

(Всѣ съ крикомъ до него кидаются; розпросы,
шумъ.)

Тихше, тихше!

Голоса; Якъ? Що? Хиба вже мертвій устають?

Любимый милый батьку! Вызволитель!

Чи мабуть се брехня, що вражий ляхи

Тебе убили? Нѣ, увесь на ранахъ! Правда!

Чи ты живой, чи ты воскресъ изъ мертвыхъ?
Мана! мана!

Л. Нѣ, не мана — Лисенко, люду добрый!

Лисенко я! — Вамъ чудно, дивно бачить

Мене зъ труны уставшого? Вамъ страшно,

Мертця живымъ оглядать! Не дивуйтесь,

Що для Свого народа милосердный

Господь творить такий дивный дива.

Я знаю, братья, рознеслася чутка,

Що вороги Лисенка доконали,

Закатували голодомъ въ темницѣ;

Що обомлѣли руки вже не въ мочи,

Высмиковать сердца у нихъ; що ноги,

Швидки на ихъ погибель и мученье,

Вже не поднимутся, и що одна

Душа его безсильна, дивлючися

На горьку долю милои родини,

Лѣта надъ нею соколомъ на хмарахъ,

И бачучи братѳвске лихо, стогне,

И даромъ порывається, якъ филия,

Що по Днѣпру въ негоду похожае,

Клекоче, рвется, сивымъ пилемъ хлипка,
Хотѣла бь наче берегъ весь залити,
И выхопитись изъ стрижня не мусить.
Такъ, братья такъ; чутка справедлива.
Я справдѣ вже мертвецъ, я вмерь для мѣра
И для себе. Вже я не человекъ.

Вже я не той Лисенко, що мѣжъ вами
Годись найдѣшнимъ козакомъ здавався,
И попередь рѣзвой кравчины жахомъ
На кони вороному выгрававъ . . .

Того Лисенка вже нема . . . остався

Якийсь калѣка, хорый, перебитый,

Якъ дерево подрублене . . . Отъ той,

Що называется Лисенкомъ. — Чудо,

Опудало, — шульникъ лякати, стовпъ

Потрухлый: отъ теперь Лисенко вашъ!

Такъ, братья, я вже вмерь. Се тѣнь моя

Прийшла до васъ, свой рѳдный Переяславъ

Кохаючи, спасти своихъ братѳвъ:

Тобѣ Семене повернуть любиму;

Тобѣ, твою безщастну матерь; церковь

И Божу службу для тебе, пань-отче;

Усѣмь дати худобу и свободу,

И отомстити врагамъ за смерть, —

Такъ отомстити, що бь черезъ двѣста рокѳвъ

Ихъ правнуки Лисенка споминали . . .

II. Такъ! бнѣ! Лисенко бнѣ! Лисенко нашъ!!

Якъ се тебе я не признавъ и доси!

Г. Мѳй брате!

Скажи жь намъ, якъ ты вызволився!

Л. Черезъ Господню помочъ. — Вишневецкій,

Не переспоривши мене у мукахъ,

Що бнѣ и я выгадували порѣзъ —

Я на ляхѳвъ, а бнѣ на русскихъ, хитро

Хотѣвъ мене излапати, и миритись

Бувъ захотѣвъ . . . А я собѣ на души . . .

Мы вмовилися дати войску пѳлгу

На мѣсяць. Якъ тымъ часомъ намогався

Убраться у Немирѳвъ . . . Ажъ на лихо

Они самѣ и надъ насъ були лукавши! . . .

У осени стоявъ я нишкомъ съ лягромъ, —

Якъ гулькѣ! — о пѳвночи мене збудили

Якись крики . . . Я прочинаю, й бачу;
Стоять ляхи ись голыми шаблями.
Я спохвативъ шаблюку и рѣшився —
Хочь и пропасти, такъ що бѣ не безъ
[славы.

Отъ-тутъ-то, братья, я руки избавивсь
И ока правого, и сї прама
Скрѣзь по лицю зостались зъ тои ночи . . .
Я бився, якъ скаженный вовкъ; одначе
Мене звязали й повели въ Немирѣвъ . . .
Ажъ затрусивсь Вишневецкій, якъ
Изблизка подививсь на Лисенка!
Велѣвъ вести мене заразь въ тортуры . . .
Мене пекли, сѣкли, и обѣ ноги
Гарячими желѣзами сковали,
И кинули у лѣхъ, що бѣ съ пацюками
Та съ жабами голодну смерть прийняти.
Вже семей день изходивъ — я лежавъ,
Охлялый, хорый, слабый . . . ледво-ледво
Душа у тѣлѣ, й смерти дожидався . . .
Якъ тутъ мои голиннї гайдамаки
Въ Немирѣвъ увѣрвались. Горе й лихо
Настало на ляхѣвъ! Панъ Вишневецкій
Мерщїй утѣкъ. Котрїй ляхи поспѣли,
Пѣйшли за нимъ; котрїй зостались тамъ,
У поломьї та у желѣзахъ гибли . . .
Почувши мою долю, гайдамаки
Мене мерщїй выслобонили. — Братья!
Богато лиха я ляхамъ подѣявъ,
Богато христїянськихъ городѣвъ
Повыволялись черезъ мене . . .
А рѣднїй Переяславъ мѣй . . . Останнїй
Разъ може я надъ ворогомъ потѣшусь, —
Нехай же разъ сей буде за родину!
Сегодня ввечерѣ вы всѣ свободнї:
Пять тысячь вѣйска къ вамъ прїйшло на по-
[мочь,
Пять тысячь братья! — тѣлько съ тымъ у-
[словьемъ,
Що бѣ ни-одна душа зъ васъ не посмѣла,
Надъ ворогомъ измилуватись! Въ сердце
Тому мечъ острый, кто жалуде сердцемъ
.! — Удесятеро имъ
Отплатимо за наши бѣды! . . . Смерти
Имъ мало! — Братья! — Болести и лиха,
Скѣлько ихъ есть на свѣтѣ, зберемо
На супостатски головы проклятыхъ! . . .
Кто выгада сильнѣйшую наругу
Надъ недовѣрками, тому бѣльшъ чести!
Най буде першїй по мѣжъ козаками! . . .

Голоса: 1) Кости имъ потроцимъ!

2) Огнемъ палить!

3) Въ багнѣ топить.

4) Всѣхъ до-горы ногами перевѣшать!

Ан. Лисенко! — Ось лишъ розкажу тобѣ
Я приказку.

Л. Абы була коротка!

Ан. Коротка. — Бувъ — собѣ отецъ ись сыномъ.
Сынъ на лихо ему, бувъ непокрѣпный
И все грубивъ противъ отца, й не слухавъ;
Одначе добрый батько все терпѣвъ,
Все отбувавъ, и бувъ до него добрый. —
Разъ сынъ вельми нашкодивъ у господѣ:
Тогдѣ отецъ розсердивсь, та й прогнавъ
Дитя свое изъ дому. — Сынъ пѣйшовъ,
И тѣлько выйшовъ изъ рѣдного двора,
Прїйшлося ему ити черезъ рѣку . . .
Мѣсть розломила половѣдь. Нашъ хлопецъ
Пѣйшовъ у бродъ, якось попавъ у яму,
И тоне . . . Бачучи те батько,
Зѣ бѣна та до него — по саму шїю
Ускочивъ въ воду й вытягнувъ его —
Що жѣ сынъ? — На другїй день, мѣсть дяки
Бивъ батька! . . . Ну скажи жѣ, будь ласкавъ,
Що батько съ сыномъ мусить зробити?

Л. Що? Батько най покине злого сына,
И прожене на вѣки изъ господы. —
А ты, панъ-отче, хочь и замовчи;
Бо бачитсь, кого ты хочешъ . . .

Ан. Добре.

Ты кажешъ: замовчи; одначе, батько
По твоему покінуть сына мусить.
Такъ знай же сыну, знай й ты люду добрый
Що батько есть — Господъ нашъ милосерднїй,
А непокрѣпнїе дитя-Лисенко;
Бо Онъ въ святѣмъ своемъ писанью каже:
Не дѣять лиха й ворогу лихому.
Ты знаешъ се; одначе, скѣлько крови, —
Не тѣлько винной, — такои скѣлько,
Котра колїсь покуту переважить,
Скѣлько проливъ ты? — Богъ усе терпѣвъ,
Терпѣвъ, поки Его святая воля
Терпѣть волила, — ждавъ, що бѣ ты одумавсь;
Ты не одумавсь — Богъ тебе скаравъ,
Отдавъ тебе суровымъ ворогамъ,
Отнявъ у тебе руку, око, тѣло
Твое лишивъ, що бы душа спаслася;
И впятъ зласкавивсь, якъ надъ сыномъ батько;
Отъ смерти вызволивъ, изъ пекла вынѣсь
Всесильною десницею Своею . . .
Що мусишь ты робить? — Горячимъ сер-
[цемъ,

Молитвою та добрыми дѣлами

Принести Богу дяку . . . Ты жѣ що робишь?
Ты бешъ Его. Бо знаешъ, що Спаситель

Сказавъ: усе, що робишь ты для брата
Ты робишь для Его — добро чи лихо.
А братъ твоѣй ляхъ такий же, якъ и русскій;
Все чоловікъ, все Божа тварь така жь...
И вамъ усѣмъ — не грѣхъ таки? — Господь
Почувъ молитвы наши и нещастья,
Пославъ до васъ Свою святую помощь —
А вы заразь, мѣсть дяки, противъ воли
Его йдете! Великій грѣхъ вамъ, дѣти;
Великій грѣхъ! Коли вы хотите щастья
И вызволенья милѣй Украинѣ,

Такъ дѣйте вгодне Богу, а не бѣсу...
Ан. (бере Анастасія за руку и обертае до церкви)
Онъ бачишь церкѣвка твоя, пань-отче;
Иди туды молитися за насъ.

(бере у Герцика шаблю)

Одна душа посмѣй его послухати —
Всю голову мечемъ симъ потрошу! . . .
Не дурно я прійшовъ васъ вызволяти,
Не дурно шлявся переодягнутый,
Не дурно выпрохавъ въ Гетмана помощь:
Усе-жь для васъ, усе за васъ . . . Такъ знай-

[те-жь,

Що я старшій надъ вами! — Смерть и лихо
Усѣмъ ляхамъ! — И маломальске кто
Изъ васъ не такъ — усѣхъ заразь покину!

Нар. Що ты приказуешъ, ми то и зробимъ!

Ан. Не погубляйте своихъ душъ за мечь!

Лп. Не погубляйте своей родины!

Ан. Послушайте, Господь васъ покарае!

Ли. Коли не такъ, усѣхъ покину заразь!

Ан. У церковь братья! День великъ сегодня!

Най проклять буде той, кто злымъ жаданьемъ
День смерти Бога-Спаса закаляе! . . .

(Иде, за нимъ никто; Лисенко иде у другу
сторону, за нимъ усѣ.)

Хоръ всѣхъ.

Та вже засвѣтила зоря весняна!
Ущухнули криги на рѣдной рѣцѣ;
И золотомъ сѣе горѣ-цвѣтъ по луцѣ;
И стала понурыи нетрѣ вдягатись;
И стала къ лещиннику пчолы зберати,
И звѣря играе, и пташество спѣвае;
И коникъ дорожку ржучи починае:
Вамъ радости й щастье звѣстила весна.
И щастья не мае Украина одна!
Украино! Украинно! Така твоя доля!
Забули тебе ратовать изъ неволи!
Забули сусѣды и дѣти родины . . .
Чи й Ты, милый Боже, забудь Украину!

Хоръ хлопцѣвъ.

Дѣвчата-небожаточка,
Не чуєте весны?

Чому вы не спѣваєте,
Не водите танкѣвъ?
Чому вы не квѣчаєте
Чорнявыхъ кѣсь своихъ?
Чи хочете спѣваночки
Що бъ мы вамъ почали?
Чи хочете вѣночочки
Що бъ мы вамъ заплели?

Хоръ дѣвчатъ.

Не треба подаруночкѣвъ,
Готуемъ ихъ для васъ.
Ой знаемъ ми спѣваночки
Ой есть у насъ вѣнки!
Испершу вы родиноньцѣ
Слободу возвернѣтъ;
Испершу чужестранцѣвъ вы
Зъ родины проженѣтъ.
Тогдѣ приходьте гратися
Исъ нами на луку;
И кождому дѣвчинонька
Спѣванку заспѣва,
И кождому коханочка
Квѣтками заквѣча!

Хоръ всѣхъ.

Снѣгъ споривъ съ землею; мовчи ты земле!
Не страшно менѣ теперъ сонце твое!
А сонце почуло и снѣгъ розтопило,
И землю квѣтками и зѣлемъ скрасило.
И ты, ворогъ пышный, на насъ такъ казавъ,
И Бога, безумный, на смѣхъ пѣдоймавъ;
А Богъ насъ послухавъ — и судъ твоѣй на-
[стигъ;
И ты передъ Богомъ розтанешъ якъ снѣгъ! —

(Д. б.)

МАРІЯ.

(Записки лѣкаря.)

(Дальше).

При другихъ моихъ визитахъ бажавъ я вди-
витися глубше въ тайное положенье Дубровского.
Невгомонная праця позерла здоровье молодого чо-
ловіка, — праця, за котору ѣнъ здається не мѣгъ
отвѣтну надгороду одержати. Мавъ-же я ему спо-
кѣй препоручити? — Се тѣлько, що на смерть
засудити. Умерти або трудитися — було для него
дилемою жизни. Кто исторіи зъ життя поодино-
нихъ людей, исторіи щоденного горя и малои бо-
лѣзни, которѣ, ахъ! до великихъ болѣзней людей
належать, съ холодною кровью пріймае, най не
читае ихъ.

Грѣхи батькѣвъ спадають на дѣтей. Се несправедливость доли, але вѣчна и конечная несправедливость. Отець Дубровского, шулеръ зъ професіи, отобравъ собѣ 1812 г. житѣ. Наслѣдомъ Романа були безчисленнй довги и соромне имя. Пѣль года передъ поганою смертю отца умерла мати. Романъ бувъ на ню похожій, ѣнь поспѣдавъ ей терпеливость и мирную силу души. Въ двадцатой веснѣ житѣя продавъ Романъ свои книжки, повергъ своихъ товаришѣвъ зъ училища, и вступивъ до торговельного дома М*. и сп. А много препорученій потребовавъ ѣнь, щобы удержати тое нужденне занятѣе, которе ему ледво одну годину, годину обѣда, лишало. Вести широкій переписки, держати торговельнй книжки, ходити за всѣлякими орудками; 60 дукатѣвъ за годъ, комнатка на третѣмъ поверсѣ передмѣстья; нйякихъ другѣвъ, бо ѣнь бѣднй; тѣлько слабое здоровье, которе черезъ великую працю бѣльше еще гибло; тая жалкая тиранія, котора, чимъ глубше она зъ высотъ общества сходитъ, симъ бѣльше тяжитъ; погорда и рѣвнодушность отъ товаришѣвъ въ службѣ противъ него, которо образование для великого свѣта, — се першій годъ нового званья въ жизни Романа. Але отваги ѣнь не пострадавъ, и бажавъ побѣдити рѣвнодушность трудомъ, а погорду добротю. И дѣйстно оплачовано его лучше, бо бѣльше хѣсна було зъ него, якъ зъ кого другого, — якъ коня лучше кормлятъ, если хорошій. Его пенсія росла, ажъ одержавъ 100 дукатѣвъ въ годъ, при которѣй лишився.

М., шефъ банкерского дома, мавъ на-стѣлько розума, не интересоватися для першого-лучшого; для него не суть люде людми, а лишъ перами, которй такъ дешево, якъ можно, писати мають. Для того не звертавъ ѣнь на Романа жадной уваги. Въ портретѣ того М* видите фнзіономію цѣлои череды; тѣло грубе, въ серединѣ кругле, присадковатое, волосъ бѣлый, чоло кругле и низке, зъ очей говорить: хосенъ. Яко чловѣкъ занятій не бувъ ѣнь безъ заслугъ; ѣнь розумѣвъ ждати, зберати и пожитковати. ѣнь бувъ въ щастью безъ сорома, въ нещастью нетерпеливъ; симъ що ему потребнй, гладкй, а симъ, що его потребовали, тираномъ.

ѣнь отъ найнишпой степени ишовъ, ставъ капиталистомъ, и одружився на-конецъ съ вдовою своего начальника, а тая вдовица дала ему прехорошую дочку. Отже загадавъ ѣнь, тую единую дочку для своен гордости ужити, и звѣнчати ю съ чловѣкомъ, которй въ родину М* славу предкѣвъ принесе. Марія одержала для того всесторонне образование.

Тотъ великй мужъ, предметъ загалной за-висти, упавъ одного дня зъ вагона на брукъ, и по-

ранився тяжко. Лѣварѣ приковали го до лѣжка на бѣльше якъ пѣль года, — страшенная кара для того чловѣка, которо отсуджено отъ книгъ и дѣланья, которо жерла гадка, чи не здогонитъ его якй ровесникъ, чи не обманятъ его тайкомъ слуги. . . . Марія не отходила отъ недужного отца. Дубровскй яко найприлѣжнйшй, одержавъ препорученье, каждого раня о 8. годинѣ по повелѣнья шефа приходити и книжки приносити. Симъ побѣлшився трудъ молодого чловѣка, а надгорода не змѣнилася. Мимо того ѣнь еще зносивъ напрасности хорого, которй не видѣвъ повода, щадити чловѣка молодого, отъ него залежного. —

Случайно зналися Романъ и дочка банкера еще тогдѣ, коли ѣнь до великого свѣта вергався, а щастье и имѣнье ждали на него. Романъ бувъ колись однимъ изъ найрадшихъ танцерѣвъ Маріи. ѣнь ей николи не пригадавъ тое, знаючи, якимъ проваломъ богатство и бѣда отмеженй. Але Марія спѣзнала его. Сильная реакція противъ несправедливости свѣта есть однимъ изъ наилучшихъ чувствъ невѣсть. Въ сердци Маріи розбудилося чувство для бѣдного, сухого, блѣдого Романа, що передъ великимъ аристократомъ гроша стоявъ прямо, его допросами оголомшенъ, все принимаючи тихо и нѣмо. Романъ бувъ опредѣленъ для великого свѣта. ѣнь образованьемъ своимъ и духомъ высшй отъ тирана своего, у него лице повне благородности, у него оружемъ геройское терпѣнье; Марія добре бачила тое.

Понеже ино Марія недужному услуговати могла, то бачила она, якъ съ Дубровскимъ отецъ обходився, а мягкое сердце дѣвоче заболѣло. Тажъ и съ нею не обходився банкеръ лучше; она чувствовала, що не мае ѣнь у неи права до почитанья, — страшенне чувство, которе ей любовь дитинную отберило, и до студенон должности запрягло. Бѣдна, молодая дѣвчина не читала нйякихъ романѣвъ, рѣдко ходила до театра; она не знала, що сердце еи несвѣдомо нашло предметъ приклонности, она того Романа, которо почитала, уже и любила. М* при своихъ тяжкихъ чувствахъ, при своей желѣзной воли и свѣдомости своен могучости и не подумавъ о опасности, котора нмъ грозила. Марія довжна все и все чути, якъ Романъ рапорта чемно складае, довжна чути тихй, мужескй голосъ его, и весь розвалъ мѣрити, що ихъ отъ себе дѣливъ. Романъ не догадовався симпатіи Маріинон, не потурявъ, що любить его. Тажъ ѣнь такъ убогй, а она такъ богатая!

Одного дня принѣсъ Дубровскй своему шефови письма, которй тотъ-же напрасно зъ рукъ выдеръ. Лице Романа поблѣдо, ноги дрожали.

„Г. Дубровскй щось занедужали, отче,” сказала Марія;” чи можу скляночку вина подати?”

„М* притакнувъ механично, ънъ пожеравъ таки очами одно письмо, которе великои, сумной ваги для него було; ишло о заведенъе широкого а дорогоцѣннаго монополя. Складочкою вина, котору Марія дрежащою рукою Дубровскому подала, не спиналась задума старого банкера. Романъ склонився по вино; въ сей хвили стрѣлила изъ хорошихъ очей Маріи тая лыскавица, котора для нихъ рѣшила долю цѣлой жизни. Марія покраснѣла. Романъ задумався. Але неспокой Маріи и изъумленъе Дубровского перейшли безслѣдно передъ гадками банкера, где ино грѣшиъ, ино хосенъ, а грѣшиъ и хосенъ се кровь его жилъ. Громомъ заголосивъ ънъ: „Мѡй пультъ, Марія! мѡй пультъ!“

„Але-жъ не казавъ-есь, дорогой отче!“

Марія не знала, що говорила; она мовъ изъ хмаръ упала, она не зрозумѣла жаданъе отця.“

„Чи-сь глухая?“ кричавъ М*. „Мѡй пультъ, казавъ я.“

ънъ не догадався, що сихъ пять минутъ, которіи его духа на поле спекуляцій перенесли, начали драму, а тая драма обвила останній лѣта его, и звалила палату его будущихъ намѣреній... (Д. б.)

Два братья.

(Конецъ.)

Икая-жъ розвазка цѣлой исторіи? — Дуже дивна, ненадѣяна, особенно для мене и для Юрія.

Пѡлъ мѣсяца минало отъ послѣднаго приключенья. Тотъ часъ перебулисмо оба дома. Мовчки глядалисмо на себе, остаючи затято при своихъ намѣренъяхъ. Снѣжна курява держала насъ пѡлъ мѣсяца въ родимѡй хатѣ, где фантазовали два Уголина...

„Юрцю! дорогой братчику мѡй! — спѣвавъ я одного дня старую пѣсню — продай ми свои претенсіи до Юліи —“

„Нѣтъ, голубчику! не могу —“

„Юрку! проклятый брате мѡй! — голосивъ я горячо — довершѣмъ уже разъ, нехай одинъ лишится въ посѣданъю любимой — Юрку! гей чуеніъ Юрку! біймося, біймося на смерть, иначе —“

„Стихомирися, солодкій! чей не будемо битися. Але я ти скажу ось що: Ходѣмъ оба дружно, мирно и освѣдчѣмся оба. Кого зъ насъ Юлія избере, тотъ натурально одружится, а другій отступитъ. Чи згода? —“

„Згода, згода —“

Слѣдующаго дня забралисмося поручъ въ найбѣльшой гармоніи. Съ найсолодшими фантазіями доходивъ я другій разъ уже до благословеннаго царства кс. Бараневича.

Вступаемъ въ свѣтлицю — о не найдешъ голоса, не найдешъ пера, щобъ отдало, щобъ о-

писало тое великанское изъумленъе, съ якимъ дивився я въ округъ! Я не виджу свѣта, не виджу Юрія довгого передъ собою, я лишъ себе бачу, якъ стуманѣвъ, якъ здурѣвъ я... Дивѣтся, хорошо пристроеніи дѣвчата моргають зо всѣхъ кутѡвъ, прелестній молодичѣ смѣются охочо, фраки перекусаются якъ тѣни, козацкіи шаравары маячатъ якъ те наше сине море — ахъ, се весѣлье, се весѣлье Юліи, дорогой Юліи, за котрою ты шалѣвъ, палився и сохъ!

Ико вовкъ почавъ я розглядатися; молодого, молодого жадала теперъ моя душа, жадала завистъ зраженнаго любовника — и ось высунулася она, тая знатная фигура молодого — Гайдукевичъ! рвалося зъ мого горла, але не ишло, я занѣмѣвъ, остовпѣвъ...

А Гайдукевичъ, женихъ Юліи, приступивъ съ усмѣхомъ до насъ, и просивъ благословенья и желаній на будущу долю свою.

Еще извинився кс. Бараневичъ, що насъ на весѣлье не просивъ, бо, каже, вернулисмося разъ отъ порога его резиденціи. Але днесъ, каже дальше, загибають всякіи непорозумѣнья, и ънъ радо витае гостей своихъ.

Щожъ було дѣлати? — „Юрцю! дорогой товаришу болести! що дѣлати?“ — Але мого дорогого Юрця уже не було коло мене; ънъ цѣлою кровавою душею прилягъ уже до блыскачюго вина, що изъ великихъ флашокъ смѣялось до него.

Отже гуляти, гуляти шалено, дико, най забуду горе, най душу прогуляю, нѣтъ! най Юлію, Юлію-зрадницу прогуляю.

И дѣйстно прогулявъ я тую любовь. Я занявся красотою Стефаніи, гарной, черноокои дочки щиро-русского священника зъ недалекого села.

А Юрій? — Юрій здається пропивъ свою любовь. Передъ его окомъ крутилася въ своей парижской невинности криволипа, котора належитъ до клясичнаго носа, который належитъ до малои жовтоволосой Амали, котора належитъ до пана Теодора Шельмовского, патентованаго осла скарбового. Юрій освѣдчився и одержавъ руку той Амеліи.

За мѣсяць отбулися два весѣлья...

С. (гадка пбслл нѣм.)

О степахъ и пуцахъ.

(Конецъ.)

Живописнымъ есть видъ ловли погромѡвъ. Заганяють коней и мулѡвъ до багна, Индіяцами густо обставленнаго, поки незвычайный гаморъ не побудитъ смѣлыхъ рыбъ до зачатъя борбы. Тогда

то погромцѣ вьются мовь ужи на поверхни воды и товплятця второпно по пѣдъ черево четвероножнихъ, зъ которыхъ множество падае пѣдъ силоу нагальныхъ, невидимыхъ удареній, а прочін нагоронивши гриву и пирскаючи сильно ноздрами, утѣкають передъ грозою бурею. Але Индіяне загаяють довгими тростинами бамбусовыми тѣ бѣдолашнїи жертвы опятъ въ середину багна.

Поволи устае бѣшенность нерѣвнои борбы. Мовь тѣ хмары выпороженнїи розсѣваюцца потомленїи рыбы, потребуючи довгого супочинка и доброй поживы, що-бъ узберати силы гальваничной котору потеряли борючись. Ударенья ихъ встрясають що разъ слабше. Наконецъ все положанїи галасомъ гасающихъ коней, зближаються боязко до берега, где ихъ Индіяне остами (гарпунами) пробивають, и сухими, електричностью не перепускающими друмами на сухую землю волочатъ.

Симъ кончитця тота особенная борба коней съ рыбами. Тое, що становить живую невидимую збрую сихъ жителей водяныхъ; що черезъ неоднороднїи частини вохкїи пробудившись кружить въ органахъ житья растинь и звѣрятъ; що розлогїи зводъ небесъ посередъ громѣвъ розпламенеа, съ желѣзомъ вяже желѣзо и править тихимъ колибаньемъ стрѣлки керманичной: все те, такъ якъ и краска розложеного луча свѣтла иде зъ одного жерела: все плыве въ одну споконвѣчную силу, котора всюда розширяе свое дѣланье.

Начертавши такъ образъ природы степу, мѣгъ бымы тутъ закончити смѣлую пробу. Але якъ на океанѣ фантазія радо занимается образами околицъ побережныхъ, такъ и мы киньмо хотъ проходимъ окомъ на край, що степъ обмежають, поки еще видъ той великой рѣвнины не затреться въ памяти нашей.

Пуца сѣверна африканска розгородила обѣ расы чловѣческїи, котрїи властиво до той самой части свѣта належатъ. Межиусобна ихъ сварня доси киплющая видится бути такъ давною, якъ и мить про Озириса и Тифона. На сѣвернѣи сторонѣ Атласа мешкають племена жовтой краски съ довгимъ, гладкимъ волосьемъ на головѣ и кавказскими чертами лица. Противно-жъ на югъ отъ Сенегаля въ краинѣ Суданъ живутъ орды муриновъ на всѣлякихъ степеняхъ цивилизаціи. Степъ могольскїи отмеживъ варварство сибирское въ середнѣи Азіи отъ старинной просвѣты рода чловѣческого на пѣвостровѣ гиндостанскѣмъ.

И въ южнѣи Америцѣ отграничили рѣвнины просторонъ европейской полупросвѣты. На сѣвернѣи ихъ сторонѣ, межѣ пасмомъ гѣръ Венезуелѣ и моремъ антильскимъ, лежатъ мѣста промысловїи, села и нивы старанно управлены, густо однїи по-

бѣчь другихъ. Навѣтъ змысль искусства, образованье и благородная любовь до свободъ гражданскихъ отъ давна вже тамки прочнулись.

На сторонѣ жъ южнѣи оперезала степъ пу-стара страшенная. Тысячелѣтнїи лѣсы, непроходимїи гущавины залягли цѣлу просторонъ млаковату межѣ Оринокомъ и рѣкою Амазоньскою. Величезнїи массы гранитѣвъ краски оловяной стѣснѣли ложбицца пѣнявыхъ рѣкъ. Горами, лѣсами луняе громовый гукъ водоспадѣвъ, ревъ тигроватого агуара и крикъ бородатыхъ малп, заповѣдающей дощъ.

Тамъ, где изъ воды плиткой выстають лавицѣ пѣсчанїи, порозтягали крокодилѣ гидкїи свои тѣлица, которїи, мовь безпорушнїи куски скель, часами совсѣмъ пташня покрывае. На березѣ же боа, звившись у клубецъ и учепившись вѣтѣ дерева, чигае на добычу. Ужъ сей, простягаючись швидко, успѣе митью кинутися на берегъ и въ бродѣ вхопити молодого вола, або яку иншу звѣрку. Лупъ свѣи перше совсѣмъ ослиняе, а оттакъ пролигуе, надымаючи при тѣмъ сильно свою шїю.

Такожъ всякїи племена чловѣческїи живутъ у сихъ обширныхъ, дикихъ простороняхъ. Гдеякїи чудною отмѣнностью языковъ отдѣленїи — ведутъ житье бурлаче, не знаютъ управу роли а кормляцца муравлями, гумою и однимъ родомъ земли: суть то Оттомаки и Яруры, справдѣ изверги рода чловѣческого; другїи же обравши собѣ разъ займанщины, сидятъ на нихъ, живлячися овощами, плекаными власною рукою; суть розумнѣишими и лагѣднѣишого норова, якъ на пр. Макиритары и Макосы. Великїи обшары на межирѣчью Касиквиаре и Ятабаро не замешкали люде, но лишень тапиры и малпы громадно жиючи. Образы гдекуда на скеляхъ вырытыи доказуютъ, що и у тотѣи пу-старѣ була колись высша культура. Свѣдчатъ они такожъ и о измѣнности судьбъ чловѣческихъ; подобно якъ и языки гибкїи, неоднако развитїи, а до найдавнѣишихъ и найтревальшихъ памятникѣвъ историческихъ чловѣчности належатїи.

Але якъ тигры и крокодилѣ съ коньми и скотомъ безпрестаннїи ведутъ борбы по степахъ, такъ и на ихъ возлѣсью, въ диковинахъ Гуяны, бачимо чловѣка вѣчно узброеного противъ чловѣку. Гдекотрїи племена пьютъ тутъ кровь своихъ ворогѣвъ съ огидною лукавостью. Другїи же, казавъ бысъ безбороннїи, а однакожъ до убійства приспособленїи, давлять затроенымъ нѣгтемъ у великого пальца. Орды слабшїи, вступивши на берегъ пѣсчаннїи, затирають руками лячно слѣды непевныхъ своихъ крокѣвъ.

Такъ то справляе собѣ чловѣкъ завсе повне тягостей житье; чи то бнѣ зостае на степенѣи найнижшой дикости звѣрчон, чи занесетця высше мнѣ-

мымъ блескомъ образованья. Тотъ самый, единственный, непотѣпный образъ роздвоенного рода чловѣческаго, который изслѣдователю былей чловѣчества у всѣхъ вѣкахъ ставится передъ очима, тотъ самый и подорожующаго по роздогомъ шарѣ земномъ переслѣдуе всюда на суши и на мори.

Кто-же середѣ той незалагодженои сварни народѣвъ прямое до супочника духового, той радо затаплие взоръ у тихе житѣе ростины и внутренне дѣланье святой силы природы, або слѣдуючи врожденѣи понуцѣ, розжаряющѣи грудь чловѣка отъ кѣлькы тысячей лѣтъ, спозирае съ живымъ предчувствомъ до горы до ясныхъ зѣрокъ, въ безпрорывнѣи гармоніи довершающихъ обѣтъ по своихъ споконвѣчныхъ дорогахъ.

Пер. Иванъ Чайка.

ЗЪ „МОРТОНА.“

„Я Манфредомъ на могилахъ...
Рвався въ лица гураганъ,
Гураганъ въ горячихъ стрѣлахъ
Тисъ мена на валъ пѣщанъ,
Гураганъ до мене рвався:
По-що блудишь до пѣсковъ? —
А пѣсковья духъ ругався:
О чого ты такъ змарѣвъ? —
А помершихъ духи стономъ:
Жаль Мортоне намъ тебе!
Побратиме! видишь, лономъ
Братныхъ гробѣвъ звѣръ гребе;
Жменя костей незабута
Спочивала — вихоръ свисъ,
Ще одна горя нута —
Вихоръ кости тутъ занѣсъ! —“

Ты Манфредомъ, за тобою
Гробы плачутъ пѣсковій —
Лишь не кинься за слезою,
Бо не ляжешъ въ тихомъ сѣвъ...
До пѣсковій ляже рана,
Буде пуци Пигмаліономъ — —

Подивися! каравана —
Арабъ замереае съ стономъ,
А невѣста слезне око
Въ хмарне небо поднимаетъ,
Верхоблюды ребра глубоко
Въ бурныи пѣски хиле...
Мортонъ Араба подноситъ,
На невѣсту подивився —
„Ахъ се Ада!“ заголоситъ,
И до неи приклонився.

„Такъ. Я Ада — Магдалена!
Я, салонѣвъ лвиця жарка,

Я, дитина ихъ шалена,
Тиха днесъ мисіонарка!
Днесъ — чи видишь? Арабъ ширый,
Хрестъ и вѣра — Ады рай!
Хрестъ — чи видишь — знамя вѣры!
О молися и — пращай!“

Подивися! Самунъ въ дали
Вергся въ море, а водою
Моря духи застогнали,
И розлилися росою...
О дивися! пуца плаче,
Виднѣи груди пирамидъ —
Каравано, о бурлаче!
Тамъ ливійскихъ гѣнѣвъ брѣдъ —
Караваны ангель, Ада,
Благословитъ любчикѣвъ —
Каравана шира, рада,
Заспѣвала Ады спѣвъ...

* * *

На оазѣ... сръбна филя
И зелена нива.
Що ти нива, що ти филя,
Сли душа тужлива!
Сръбна филя щось спѣвала,
Нива щось шумѣла.
Що шумѣла, що спѣвала?
О Мортонъ счила.
Стихла пѣсня — горе зъ ока
Стрѣлило слезою,
Горе плачъ изъ твого ока
Свяло водою...

На оазѣ... охъ ты плачешъ!
Жаль ти сердца Ады.
Що ти Ада?... И ты плачешъ,
Що нема отрады!
И крѣзь слезы ты витаешъ
Сонъ, що лягъ на очи —
И крѣзь сонъ ты привитаешъ
Краснѣи мары ночи...
Ты смѣнешся? — О чи снишь ты
О душѣ шастливѣи?
Спи солодко! — Що-то снишь ты
На оазнѣи нивѣ? — —

Славигъ.

ФЕЛЕТОНЪ.

Чешская литература.

(1774—1848).

(Конецъ).

Мы ишли слѣдомъ за розвѣтъемъ народнаго самосознанья до-тогдѣ, коли оно высказовалася въ важномъ на-

роднѣмъ дѣлѣ. Вернѣмся къ литературѣ. Тутъ, при загалнѣмъ народнѣмъ возродженнѣ, кишѣла жизнь многонадѣйная. Къ писателямъ безпрестанно прибывали новыи, свѣжій силы. И теперь мы опять находимо двоихъ поэтѣвъ, выше стоящихъ надъ оставшими, именно Ербена и Яблонского. Ербенъ издавъ въ тое время только кѣлька своихъ стихотвореній, но уже и въ нихъ проявился высокій поэтической талантъ. Его баллады, и тогда издаанныи, отличаются такимъ хорошимъ языкомъ, яко у никого болѣе не находимо въ чешской литературѣ, — языкомъ, который такъ могучо поражаетъ въ гениальныхъ балладахъ Гетого; отличающійся легкимъ, природнымъ строемъ, такъ удачно взятымъ изъ народныхъ сказокъ. По Ербену достоинъ заняты мѣстце Болеславъ Яблонскій. На чешскѣмъ языкѣ нѣтъ пѣсенъ сердечайшихъ якъ пѣсни Яблонского; и дидактическое его стихотворенне „Соломонъ“ повне высокиихъ красотъ. Но болѣе надъ всѣхъ поэтѣвъ мавъ симпатію поетъ съ наибольшимъ дарованьемъ, за то воспѣвавшій предметъ, великому близкій, — Янъ Еразмъ Воцель. Предметомъ его пѣснопѣнній буда прежняя слава родины. Premyslovec и Mes a Kalich, представляютъ два ряды образовъ, взятыхъ изъ чешской исторіи. Гдѣкотрій изъ нихъ представленъ довольно живыми красками, другіи же не болѣе, якъ ритмованная проза. Но, въ эпоху своего появленья, тѣи народныи романы буди привитаніи патриотическимъ чувствомъ, якъ гениальныи творенія и не мало помагали народному самосознанью Славянъ.

Буди и другіи поэты, менше достойныи згадки, но въ свое время мавшіи значительный успѣхъ. Первое мѣстце межі ними безусловно принадлежитъ Маху, поэту съ большимъ талантомъ, но похищеному смертнѣю дуже рано, поки совершивъ дѣло, для котораго бувъ призванъ. Но его романтическое направленье, тая байронская фантастичность, буди не по вкусу его современникамъ, и онъ умеръ непонятъ и неоцѣненъ. Точно то же случилось и съ другимъ молодымъ поэтомъ, явившимся немного лѣтъ позайше, съ Вячеславомъ Небескимъ. Его способности не могли отрѣшиться отъ предмета, чужого пониманью современныхъ читателей: „Protichudci“ хотя и отличаются живою образностью и рѣчью совсемъ поэтической, кажется, отбили у автора охоту заниматься поэзією. Также мало симпатіи оказали современники и къ другому поэту, именованному иною дорогомъ, къ Яну Православу Кубку. Занимаючи въ Пражскомъ университетѣ катедру чешского языка, онъ живымъ словомъ дуже успѣшно дѣйствовалъ на молодыхъ людей, но издававъ въ свѣтъ только стихотворенія, писанія на извѣстныи случаи, по которымъ не можъ було ясно познати, чи дѣйстно поэту, чи только простому стихотворцю, обовязаній они собою. Издане повное собранье его стихотвореній достаточно свѣдчить о томъ, що Кубекъ мавъ великій сатирическіи здѣбности.

Довелисмо чешскую поэзію до 1848 г.; намъ остается указать на состоянье другого отдѣла литературныхъ твореній въ ту же самую эпоху. Патриотическій духъ, который мы замѣтили въ поэзіи, проникаетъ и оставшую литературу. Та чи могло бути иначе? Кто не любивъ народа, языка своего, тотъ не цѣнивъ чешской литературы; кто писавъ по чешски, бувъ патриотомъ. Головною журбою писателей того періода було обдѣланье родимой исторіи, и на томъ поприщи наиболѣе услугъ оказали два великіи мужи — Шафарикъ и Палацкій. Шафарикъ, огромнымъ твореньемъ своимъ о „Славянскихъ старинностяхъ,“ озаривъ яркимъ свѣтломъ старшій періодъ славянской исторіи, а своими филологическими изслѣдованьями онъ завѣвъ насъ въ найглубшій тайники нашего языка. Заслуги Палацкаго, хотя особенно относятся къ одному чешскому народу, однако равняются Шафариковымъ. Посвятивши всю свою жизнь из-

слѣдованьямъ въ области чешской исторіи, онъ по мастерски начертавъ намъ ясныи ей образъ, безъ чужихъ наростѣвъ, и языкомъ такимъ чисто чешскимъ, якимъ не владѣвъ ни одинъ историкъ отъ временъ Велеславина. Кромѣ того, историографъ чешского народа оказавъ и другіи услуги литературѣ: одинадцятилѣтнее редакторство журнала „Музейного“ и доволгѣтнее сотрудничество при Матицѣ Чешской достойній памяти благодарного народа. (По Руссе. Бес. 1860).

Зъ Тернополя, 11. Мая (Пѣдгоряне).
Кругъ представлений львовского театральнаго товарищества п. дирекцію г. Бачинского розпочато тугъ мелодрамою (?) Гушалевича и Вербицкого: „Пѣдгоряне.“ — Либретто осудила уже критика принадлежно. Нема достаточнаго развитья характерѣвъ, нема природности въ завязанью акціи и и катастрофѣ, хотяи матеріалъ для здѣбнаго пера безконечно хорошій. Техника лихая, переведенне неудачне: словомъ, творенне дуже мѣрное. За тое композиція славная, зъ жизни народа добута, зъ питомого характера знятая, перша заснова народнои нашей оперы. — Сценичное представленье добре. Именно отличилася г. Бачинска (Оля) въ свѣвъ и игрѣ, которую развила отвѣтно характерови, хотяи гдѣкуда запримѣтилисмо пересаду. Д. Лукасевичъ (Анна) грала и свѣвала хорошо; роля для неи дуже влѣчная. Д. Менаровичъ (вѣйтиха), выступившая першій разъ на нашей сценѣ, оказала много природнаго таланта, хотяи болѣе здѣбная до роли дѣвочои наивности. Такожъ най учится языка. Г. Бачинскій (Трофимъ) отвѣтно; шкода, шо не свѣвае. Г. Нижанковскій (Стефанъ) отогравъ любовника — роля не для него — мѣрно, але свѣвавъ прехорошо. Г. Моленцкій отдавъ чорный характеръ Чопорія съ великою правдою и ругиною. Г. Жукотинскій (Василь) при своей отвѣтной поверхновности нехай працюе прилѣжно, а придасться. Д. Морельовска (знахорка) почорнила только лице — цѣлая игра. Свѣвы произведеніи удачно; особенно терцетъ въ 1. актѣ (г. Бачинска, д. Лукасевичъ, и г. Нижанковскій) и хоръ косарѣвъ. Жаль только, шо не чулисмо хоръ: „кончится день“ (andante religioso въ 2. актѣ.) — Мужеская гардероба лихая. Изъза кулисъ чути польскій говоръ. — Публика, майже исключительно русская, собралася на прывѣтъ дуже численно.
И. Г. Кс.

ЗАЯВЛЕНЬЕ.

Неожидана недуга принудила нашего многонадѣйнаго сотрудника, г. Волод. Я. Стебельского, отступити отъ веденья литературной части нашего письма. Зъ того повода не будемо якійсь часъ въ состоянью, изъ многихъ трудѣвъ молодого автора дати продовженье широко заснованой повѣсти: „Упавшій ангель“ и статьи: „1848, Исторія и анализа.“ Отъ-теперь просимо въ дѣлахъ литературныхъ относиться до насъ п. адресою: Левъ И. Михалевичъ, ч. 463 ³/₄.

Отъ Редакціи.

БОЯНЬ выходитъ каждого 1., 8., 15., и 22. великимъ листомъ. — Пренумераши: на годъ: 5 зол. А. В., на пѣль года: 2 зол. 50 кр., на четверть года: 1 зол. 40 кр. — Гроши переддл. адресуются до пчт. Редакціи Слова, ч. 144 м. або до Администраціи Бояна, ч. 193 м. — Матеріалы присылаются п. адресою: Левъ И. Михалевичъ ч. 463 ³/₄.